

самое важное это заседание 17 июля¹, устроенное в помещении нашего полпредства *...

Заниматься в библиотеках Праги на этот раз мне не пришлось, так как все нужные для меня справки были сделаны еще в бытность мою в Чехословакии в 1924 г. При содействии нашего полпредства теперь было отправлено в Ленинград более 500 книг, собранных отчасти мною, а главным образом членом нашей Академии, живущим в Праге, В. А. Францевым. Книги уже получены и распределены между Славянским отделением академической библиотеки и Музеем антропологии и этнографии...

*ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 1а, д. 175
(приложение к VIII протоколу Обще-
го собрания АН СССР от 9 октября
1926 г.). Печатный текст на правах
рукописи.*

¹ См. док. 205.

216

*Из статьи писателя Я. Копты по поводу произвола чехосло-
вацкой цензуры в отношении советского фильма «Броненосец
«Потемкин»¹*

Прага

7 ноября 1926 г.

Цензура, желая, как говорится, защитить нас от бациллы больше-
визма, принесла в жертву этому хороший фильм и не поколебалась
даже перед исправлением исторической действительности. Если «По-
темкина» упрекают в том, что история в нем тенденциозно приукраше-
на, то мы можем упрекнуть чешскую цензуру в том, что она еще более
тенденциозно лишила его всякой окраски. Но самое удивительное:
с одной стороны, нам не запрещают обстоятельно знакомиться с исто-
рией восстания моряков в период революционных событий бурного
1905 г. с помощью обширной книжной продукции, которая беспрепят-
ственно предлагается и распространяется в различных вариантах
(даже с подвергшимися цензуре частями текста кинофильма), с дру-
гой стороны, фильм, в котором образно сфокусированы те же события,
нам преподносят искромсанным. Цензура как бы боится, что мы вос-
станем против правительства, а между тем именно подвергшийся цен-
зуре фильм вынуждает нас восстать против цензуры. Было бы противоре-
чительно, если бы в человеке не протестовало простое гражданское
чувство достоинства, на которое таким образом замахиваются поленом.

...Печально, что именно чехословацкая цензура так бездушно исковер-
кала произведение, ярко интерпретирующее борьбу народа против цар-
ского гнета. А что если бы нашелся чешский режиссер, который сумел
бы с русской внушительностью показать ряд чешских бунтов в Австрии?
Зачем столько лицемерного страха перед «Потемкиным», если и наша
национальная и политическая свобода основана на целом ряде кажущихся
незначительными эпизодами, которые начались с недовольства
гнилым мясом или скверным хлебом и вылились в конце концов в мощ-
ный призыв к свободе и в открытый мятеж? Посмели ли бы они так

* Опущено изложение хода заседания.

своевольно вырезать в этом чешском фильме эпизоды, которые изображали бы бесчеловечную свирепость имперской юстиции, приговорившей румбуркских повстанцев к расстрелу? И в нашей революционной истории мы нашли бы великолепные проявления солидарности, когда чешские солдаты отказывались стрелять в своего брата, который являлся бесстрашным выразителем боли и протеста коллектива, и мы ничуть не стыдимся называть их в книгах героями! Боюсь, что и по отношению к ним цензура ведет себя весьма неуважительно. Искажая фильм о восставших моряках, она заодно исказила и правдивые, светлые образы наших мужественных братьев недалекого прошлого. Удивительно, что до сих пор эта единственная в своем роде нелепость вызвала так мало организованного протеста. Бельгийский поэт Соумен нашел в свое время большую защиту со стороны наших работников умственного труда. А ведь то, что случилось с «Потемкиным», — дело намного более важное. Цензура грубо втиснулась между автором и его произведением и, собственно говоря, существенно его «переделала». Можно ли представить себе, чтобы кто-либо рискнул подобным образом расправиться с симфонией Малера? Или если бы консультативный совет Национального театра таким путем вторгся в «Волков» Роллана? Или чтобы в один прекрасный день на книжном прилавке появился «Огонь» Барбюса, «обработанный» по такому рецепту? Это и в голову никому не придет. А если и придет, то он оставит это при себе, чтобы не осрамиться. А отличный художественный фильм, подобных которому не так уж много, без зазрения совести и тени стыда вычеркивают из числа свято хранимых духовных ценностей и в его изящную и в высшей степени утонченную структуру вторгаются не только красным карандашом, но и произвольно переделывают целые фразы, как было в Австрии с «Лешетинским кузнецом» Сватоплука Чеха на смех свободомыслящей чешской общественности. Случайно это был не ваш отец, дед или прадед, господин цензор, который произнес тогда: «Непроходимая глупость!»

Иными словами, я думаю, что это кромсание фильма принесло лишь пользу Коммунистической партии... Этот фильм был из тех, которые обладают чудодейственной силой внушать иллюзию действительности. И теперь, после того как фильм обкромсали, в нем есть моменты, когда исчезает ощущение экрана и появляется ощущение живой правды. Однако обрывы, которые то и дело появляются в исторической ленте, возвращают человека из фильма на деревянное кресло кинематографической реальности и вынуждают его больше заниматься чехословацкой цензурой, чем изображениями на белом полотне.

То, что в тексте использованы цитаты из «Мировой революции» Масарика, в огромной степени способствует тому, чтобы мы чувствовали, что находимся в пражском кинотеатре и ни в коей мере не являемся участниками памятной драмы на Черном море, происходившей 21 год тому назад, как хотелось бы режиссеру. Несомненно, отдельные фразы в оригинале звучали тенденциозно. В таком случае можно было бы попросить художников сгладить такие места, а не нарушать структуру всего произведения, в котором текст и изображение слиты буквально воедино.

Уходишь из кинотеатра с чувством горечи на душе, ощущая бдительный надзор пользующегося печальной известностью блюстителя порядка староавстрийских времен, который не перестал считать тебя никудышним гражданином, если книгу, которую ты читаешь, не одо-

брил перед этим господин фельдфебель. Это ни на чем не основанное недоверие по отношению к твоей лояльности, твоей преданности является той полицейской мерзостью, которая в конце концов убивает врожденное чувство чести, а не воспитывает его.

«*Národní osvobození*» (Praha), 7. listopadu 1926, č. 305.
Перевод с чешского.

¹ Согласно сообщениям газеты «Руде право» от 7 и 19 ноября 1926 г. фильм «Броненосец «Потемкин» был уже урезан германской цензурой. Чехословацкая цензура в свою очередь изъяла ряд исторически правдивых сцен; кроме того, фильм был искажен сопровождавшим его текстом.

Цензура вырезала, например, знаменитую сцену расстрела на лестнице, затем заключительную сцену, когда «Потемкин», приветствуемый моряками, проходит мимо флагманского корабля, изъяла ряд титров. См.: («*Věstník ministerstva vnitra Republiky Československé*». Praha, 30. listopadu 1926, č. II, s. 476).

Фильм «Броненосец «Потемкин» пользовался большим успехом в Чехословакии. Он демонстрировался вплоть до марта 1939 г. С 1932 г. фильм шел в озвученном варианте, однако изъятые сцены так и не были восстановлены.

217

Из письма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова представителю СССР в Чехословакии В. А. Антонову-Овсенко

Москва

9 ноября 1926 г.

В чешской прессе да и в Ваших дневниках вновь замелькали сообщения о предстоящем изменении «русской» политики нового чехословацкого правительства¹. Мне кажется, у Вас имеются все необходимые инструкции на тот случай, если эти слухи на этот раз окажутся верными.

Никаких, конечно, компенсаций за признание. Наша первая позиция: взаимное аннулирование всех материальных претензий как со стороны государств, так и частных граждан, причем это должно быть сделано в качестве нашей значительной уступки ввиду превышения наших претензий над чехословацкими. Вторая позиция: оставление всех взаимных претензий открытыми до разрешения дипломатическим или иным путем — по соглашению между правительствами....

Литвинов

Публикуется по сб.: «Документы внешней политики СССР», т. IX. М., 1964, с. 538—539.

¹ Речь идет о правительстве так называемой господской коалиции во главе с аграрием А. Шваглой (октябрь 1926 г.—февраль 1929 г.). В это правительство, в отличие от предшествующих, не входили представителя реформистских партий. Членами правительства были представители чешских, словацких и немецких буржуазных партий.